

СООТНОШЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО И АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Д. ЧЕБЯЛИС

Постпозиция субъекта занимает чрезвычайно важное место в структуре старофранцузского предложения, особенно в памятниках IX—XI вв. Такое зачастую явное ее преобладание (Mystère, Jonas, Alexis) говорит о том, что полное отсутствие какой-либо необходимости стеснять свободу расположения членов предложения полной мерой сказывалось еще в пору раннего периода старофранцузского языка¹.

Наблюдаемый разнорядностью в следовании основных членов предложения — порою SV, подчас VS (хотя в памятниках IX—XI вв. преобладает VS) — наводит на мысль о том, что различная реализация структуры предложения, имеющая несомненно формальное обоснование в особенностях грамматической системы старофранцузского языка, имела более глубокое обоснование в коммуникативном построении старофранцузского предложения, ибо то или иное сочетание системных возможностей языка всегда используется человеческой мыслью в целях более адекватной передачи смысловой информации². Постпозиция субъекта, будучи действительно необычной ситуацией для него, может рассматриваться как сильная с коммуникативной точки зрения и слабая с точки зрения грамматической. В силу своей необычности она обладает некоторыми особенностями, которые проявляются в структуре старофранцузского предложения. Наблюдения над постпозитивным субъектом в древнейших памятниках показывают, что употребление детерминативов является более частым в постпозитивном субъекте. Такое положение позволяет предположить, что с точки зрения диахронического синтаксиса самым слабым звеном в структуре старофранцузского предложения является постпозитивное положение синтагмы субъекта. Развитие двухпадежного склонения в старофранцузском языке, где проникновение обобщенной формы, т.е. именной флексии, начинается в первую очередь в постпозиции субъекта, также свидетельствует об особой роли упомянутой позиции в становлении всей именной синтагмы в целом. Синтаксическая организация синтагмы начинается там, где ее положение представляется наименее определенным, так как в этом случае оно требует наибольшей консолидации и наибольшей грамматической детерминации, а ее структура особенно стремится к четкому определению своих формальных контуров. В старофранцузском языке основ-

¹ См. нашу статью: „*Quelques remarques sur l'ordre des mots en ancien français*“ — „*Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Языковедение*“, 1973, XXIV(3).

² Ср. Р. А. Будагов. *Проблемы развития языка*. М.—Л., 1965, с. 33, 36; Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? — ВЯ, 1972, № 1.

ным элементом, ведущим к грамматическому завершению синтагмы имени существительного, был артикль, который определял всю структуру именной установки и способствовал существительному в выполнении соответствующих коммуникативных функций.

Артикль, достигший на заре старофранцузского языка высокой степени грамматизации, никогда, однако, не порвал связей с той сферой, из которой он пришел, и своим функционированием всегда связывал теснейшим образом грамматику с семантикой высказывания. Будучи самым обобщенным среди детерминативов и вместе с тем наделенным особой грамматической нагрузкой, артикль принимал непосредственное участие не только в грамматической организации именной синтагмы, но и в организации всего информативного потока в целом.

Информативный поток из отдаленных эпох дошел до нас в виде текстов, обладающих особой внутренней организацией, в которых строение отдельного предложения зависит от строения других предложений того же текста. Лингвистическая его организация подразумевает существование воплощенной в чисто языковых средствах структуры целого текста, в котором в качестве связывающего звена может быть выявлена либо некоторая общность ситуации, либо наличие семантически близких понятий. Ситуационная и семантическая общность целого ряда элементов информативного потока составляет тот узор, на фоне которого в сообщении очень ярко выделяется новое, неожиданное или сугубо субъективное³.

Коммуникативное членение, задача которого раскрыть сложные смысловые отношения информативной структуры предложения, неизбежно связано с выявлением постоянного нарастания или убывания информативной нагрузки в высказывании. Неравномерность информативной нагрузки становится особенно ощутимой при появлении дейктических показателей, способствующих образованию оппозиции „данное/новое“. Детерминативы существительного, развившиеся из этих дейктических показателей, составляют грамматическую категорию „определенности — неопределенности“, которая, помимо грамматической, играет также определенную роль и в коммуникативной функции. Наличие при существительном различных и нюансированных детерминативов позволяет ему принять непосредственное участие в неравномерном распределении информативной нагрузки в речевом потоке. Коммуникативная функция артикля особенно четко проявляется на современном этапе развития французского языка⁴, в старом же языке эту функцию в основном выполнял порядок слов, но по мере убывания свободы порядка слов выражение ком-

³ В. Матезиус. О так называемом актуальном членении предложения. — В кн. Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М., 1967. Основная функция порядка слов в чешском языке, там же. И. П. Распопов. Актуальное членение предложения. Уфа, 1971. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике. — ВЯ, 1969, № 4. О так называемых детерминирующих членах предложения. — ВЯ, 1972, № 6. О. А. Лаптева. Перешенные вопросы теории актуального членения. — ВЯ, 1972, № 2. Т. М. Циколаева. Актуальное членение — категория грамматики текста. — ВЯ, 1972, № 2. А. Л. Пумпянский. О логико-грамматическом членении предложения. — ВЯ, 1972, № 2. В. З. Папфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.

⁴ Е. А. Воклий. Артикль как показатель грамматического значения „определенности“ или „неопределенности“ существительного (на материале французского языка). — „Численные записки ЛГУ, серия филол. наук“, 1958, вып. 50, № 262.

муникативной функции в системе имени все чаще становилось уделом артикля.

Внутренняя структура текста, выражающая информативное строение, непосредственно отражается в организации следования его составляющих элементов. Соприкосновение между человеческой мыслью и живым потоком речи вырисовывается наиболее четко на уровне синтаксиса и в первую очередь в порядке слов. Поскольку в старофранцузском языке порядок слов сохранял значительную гибкость, естественно полагать, что говорящие использовали это свойство грамматического строя в целях более четкого нюансирования своих высказываний. Однако в старофранцузском языке наблюдается определенная связь между расположением субъекта и объекта вокруг глагола в предложении и организацией их грамматической установки. Возникает закономерный вопрос, имеет ли указанная связь обоснование в коммуникативном членении предложения и всего контекста в целом или же она — лишь следствие системных особенностей старофранцузской грамматики. Грамматическая установка именной синтагмы в IX—XI вв. обладала всего одним основным противопоставлением — с детерминативами и без детерминативов. Если можно наметить разделение с детерминативами на установку с местоименными детерминативами (D) — демонстративами, possessивами, индифинитивами и кванторами, имеющими четкую семантическую специфику, и на установку с артиклем (Z), являющимся обобщенным детерминативом, то говорить о разделении внутри установки с Z нет достаточного основания, поскольку оно всего лишь намечалось.

То, что грамматическое и коммуникативное членение речевого потока осуществляется на различных плоскостях, хорошо показано уже Г. Вейлем⁵. Корни грамматического членения кроются в установлении грамматического субъекта, объекта и предиката, т.е. в раскрытии формальных, системных связей между ними в грамматически законченном сегменте речи — в предложении⁶. Корни же коммуникативного членения кроются в установлении логико-смысловой структуры высказывания, которая предполагает, что какая-то часть информативного потока, чаще всего весьма значительная по объему, известна собеседнику и что он не обязан обращаться на нее особое внимание. Между тем другая часть этого потока, обычно менее значительная по объему, составляет ядро высказывания, ради которого и был порожден весь речевой поток, так как оно заключает в себе то новое и важное, что, по мысли говорящего, должно поглощать все внимание слушающего или читающего человека. Старофранцузский язык раннего периода, обладающий известной гибкостью в размещении членов предложения, мог при любых обстоятельствах предпослать ядро информации его основе без дополнительных приемов грамматической структуры предложения. Следовательно, своеобразно старофранцузского синтаксиса в раннем периоде, т.е. доминирование следования VS, может быть объяснено отчасти именно влиянием коммуникативной структуры сообщения.

Н. Weil. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes. Questions de grammaire générale. Paris, 1869.

⁶ Ср. Е. А. Реферовская. О порядке слов в современном французском языке. — В кн.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского. Т. 1, 1973.

Таким образом, следует установить, имеют ли какую-то связь следование VS и более частое употребление детерминатива при субъекте-существительном в постпозиции по отношению к глаголу или это – следствие логико-коммуникативной организации всего высказывания. Для данной цели нами подвергнуты детальному анализу три памятника старофранцузского языка: *Passion*, *Alexis* и *Pèlerinage*, при котором учитывались все субъективные синтагмы с детерминативами в препозиции и в постпозиции.

В таблице воспроизведены статистические данные, абсолютные и коэффициентные, о синтаксическом положении субъекта с детерминативами в указанных памятниках с учетом некоторых особенностей стихотворного текста.

Таблица

Памятник	Препозиция			Постпозиция		
	общее чис.то синтагм	в середине строки	с D	общее чис.то синтагм	в середине строки	с D
<i>Passion</i>	36	1	5	39	8	8
	0,47	0,02	0,14	0,53	0,2	0,2
<i>Alexis</i>	50	16	18	97	49	27
	0,36	0,32	0,35	0,64	0,51	0,26
<i>Pèlerinage</i>	112	35	11	171	134	0
	0,39	0,31	0,09	0,61	0,79	0,06

Следует отметить, что местонахождение субъекта в середине строки, невзирая на особенности стихотворного текста, резко учащается с учетом и без учета его отношения к препозитивному или постпозитивному положению. Соответствующие обобщенные коэффициенты составляют: в *Passion* – 0,12, *Alexis* – 0,44, 0, 44, *Pèlerinage* – 0,6.

Passion написан восьмисложным стихом, связанным ассонансами. Из 31 субъектной синтагмы в постпозиции в конце строки 11 составляют вторичные ассонансы, соответствующие заданным в предыдущих строках. В *Alexis*, написанном строфами из пяти-, десятисложных стихов, из 48 вторичных субъектных синтагм, находящихся в конечном положении строки, 38 зависимы с точки зрения старофранцузской просодии, а в *Pèlerinage* из 37 синтагм в том же положении зависимыми являются 28. Таким образом, постпозитивное положение определенной части тех синтагм, которые находятся в конце строки, можно объяснить стремлением соблюдать уже заданный ассонанс, между тем как задающий ассонанс постпозитивный субъект встречается очень редко. Изложенные факты, в особенности данные о неуклонном росте постпозитивного субъекта в середине строки, показывают, что основу следования VS нужно искать не только в требованиях старофранцузской поэти-

ческой техники, поскольку она не способна объяснить изучаемую ситуацию целиком.

Первый и главный момент в коммуникативном членении старофранцузского предложения выражается четким господством коммуникативной структуры над грамматической. Грамматическая система старофранцузского языка предоставляла широкий выбор расположения основных членов предложения, разумеется, при условии сохранения требуемой грамматической информации. Сам же выбор всегда целиком зависел от индивида, создающего речевой поток, членение которого подчинялось главным образом содержанию передаваемой информации.

В *Passion* первый субъект с детерминативом появляется лишь в строке 13: *cum aproismed sa passius*, где он задает ассонанс и освобождается тем самым от подчиненности последнему. Понятие *passiu* упоминается в строке 2 в функции определения, т.е. оно введено с самого начала в качестве основной темы последующего рассказа с указанием на непосредственную его отнесенность к Христу. Затем оно появляется в функции препозитивного субъекта в строке 12, а в следующей строке – в той же функции и с тем же местоименным детерминативом, но в постпозиции. Весь пассаж выглядит так: *la sua morz vida nos rend, !! sa passius toz nos redepns. !! Cum aproismed sa passius, cho fu nostra redemptions...* (11–14). В строке 11 первый детерминированный субъект памятника находится в препозиции, так как можно полагать, что в христианской доктрине учение о смерти Христа играет важнейшую роль и, следовательно, оно составляет фон и основу сообщения. Следующая строка как бы повторяет смысловую структуру предыдущей, поэтому ее грамматическая структура также является повтором предшествующего сообщения. Кроме того, строки 11 и 12 связаны между собой парным ассонансом, который исключает постпозицию для субъекта в строке 12. Грамматическая установка с артиклем *la* и посессивом *sua* объясняется тем, что *morz* и *passius* составляют „известное“, а не „новое“ в сообщении. Иное положение наблюдается в следующих двух строках: в 13-й сообщение о факте приближения страстей составляло, очевидно, ядро сообщения, тем более что о самих страстях только что было упомянуто, поэтому оно предпослано основе: вся строка 14 является придаточным относительным к строке 13, определяющим его субъект, а сближение антецедента с его придаточным – общеизвестный факт. Таким образом, постпозиция субъекта в строке 13 может быть вызвана отчасти и стремлением к грамматической упорядоченности предложения, хотя отступление от этого правила было довольно распространено, и особенно в старофранцузский период.

Вторым моментом в коммуникативном членении старофранцузского предложения, следствием которого является постпозитивное положение субъекта, следует считать особое выделение именной части сказуемого, так как в начале предложения на сказуемое падает особое ударение, поскольку оно выступает центром высказывания. Такое выделение намечается уже в *Eulalie* и *Passion*: *granz fu li dols* (121, 337) и широко распространяется в *Alexis*: *hoens fut li secles*. Этот способ выделения именной части сказуемого хорошо известен во всей эпической поэзии французского средневековья и сохранился как один из многочисленных приемов так называемого *mise en relief* в грамматической системе современного французского языка. Необычное (для современ-

ного языка) следование имело и имеет своим основанием особое смысловое членение осуществляемого акта коммуникации.

Третий момент коммуникативного членения охватывает различного типа замечания, вводные предположения, отрывки диалогов, составляющие связывающее звено в потоке речи. Они особенно многочисленны в *Alexis: co dist li pedres* (52, 106), *respond la medre* (107) и изобилуют *Pèlerinage: dist li rei* (53), *dist l'emperere* (67). Приведенная конструкция бытует в грамматической системе современного языка не как одна из возможностей конструирования, а как полностью грамматизированный сегмент речи, для которого любые другие возможности исключены. Она образовалась исключительно на базе коммуникативного членения, поскольку в связывающем звене этого рода важен именно субъект, а не предикат, не сообщающий ничего нового. Поскольку конструкция в грамматической системе старофранцузского языка вполне нормальная и коммуникативное членение вводного предложения типа *e dist li pedres* осталось таким же вплоть до наших дней, его грамматическая структура не претерпела никаких изменений и является полностью фиксированным выражением в современном языке.

Произведенный анализ позволяет установить, что преобладание детерминированного субъекта-существительного в постпозиции в ранний период старофранцузского языка, порожденное особыми нюансами смыслового членения информативного потока, оказывается связанным теснейшим образом с особенностями структуры старофранцузской фразы.

Во-первых, следование VS было столь же естественным и нормальным, как и следование VS, хотя исчезновение двенадцатого склонения постепенно подготавливало почву для фиксации порядка слов, т.е. к тому, что либо VS, либо VS должно было стать неестественным, поэтому тип *sovent le vivant e le pedre e la medre* (*Alexis* 236) был обречен на постепенное исчезновение. Вместо основного грамматического средства – свободы в выборе порядка слов, оптимально соответствующего выделению ядра и основы сообщения, говоря терминами пражской лингвистической школы, французский язык выработал сложнейшую систему грамматических приемов, позволяющих особым способом выделить любой член предложения.

Во-вторых, изменение нормального порядка слов частично грамматизовалось, так как тип *bons fut li pedres* возможен и в современном языке. Правда, он отошел в план аффективного синтаксиса и в описаниях грамматической системы французского языка обычно рассматривается как один из приемов выделения членов предложения, что свидетельствует о возможности превращения „неестественного“ VS в „естественный“, если в этом нуждается особая смысловая структура самого акта коммуникации.

В-третьих, порядок VS стал до такой степени грамматизованным, что на современном этапе осознается вполне естественным в составе вводных предложений типа *dist li pedres* всеми носителями французского языка и отмечается как одна из особенностей нормы французского синтаксиса.

Таким образом, нами выделены три типа синтаксической постпозиции: не грамматизованная, частично грамматизованная и полностью грамматизованная. Однако коммуникативное членение старофранцузского предложения, обладающего относительной грамматической свободой размещения своих членов, предполагает при выделении какого-нибудь члена как ядра

сообщения не только его позиции. Постпозиция субъекта по отношению к глаголу не должна быть абсолютизирована как обязательное его выделение в качестве центра сообщения, хотя он и может им быть в целом ряде случаев. Например: *ja fos la chans de lui aucise* (Passion 370), *fud la pulcele nethe de halt* (Alexis 41).

В приведенных примерах субъект находится в постпозиции по отношению к спрягаемой части предиката, которая, будучи лишь вспомогательным элементом, вряд ли может считаться ядром сообщения, поскольку она может рассматриваться как морфологическое ядро предиката, оставляя основную информативную нагрузку за причастием или инфинитивом. Ведь совершенно очевидно, что в Passion 370 важно не сообщение о плоти Христа, а о том, что она никогда не была убита человеком; в Alexis 41 важно то, что невеста не простого, а знатного происхождения. В обоих случаях мы имеем дело лишь с грамматической, т.е. формальной постпозицией субъекта, между тем как центр коммуникации неизменно находится в конце предложения, т.е. в постпозиции по отношению к тоже формальной постпозиции грамматического субъекта. Нам кажется, что одной из причин сближения всех составных частей предиката, в том числе и отдельных частей сложных времен, было стремление свести в одно целое все коммуникативно связанные элементы, другой же – общее стремление к грамматической оформленности старофранцузского предложения.

Коммуникативная точка зрения выявляет еще одну особенность старофранцузского языка: детерминированная установка субъекта могла быть и ядром, и основной сообщения независимо от своего препозитивного или постпозитивного положения, хотя препозитивный субъект чаще всего соответствовал теме высказывания. Если порядок слов имел несомненно огромное значение в процессе формального распределения смысловой нагрузки, то он никогда не был единственным базисом, на котором такое распределение поконилось исключительно. Грамматическая структура всего предложения, которая была стержневым моментом в распределении коммуникативной нагрузки, имела непосредственную связь и с грамматической установкой имени существительного.

Приведенные доводы, на наш взгляд, дают основание для предположения, что детерминированная синтагма имени существительного в функции субъекта уже на первоначальном этапе развития старофранцузского языка в той или иной степени весьма часто соответствовала основе высказывания, а предикат в широком смысле этого слова – ядру высказывания, причем, в отличие от современного языка, независимо от их синтаксической последовательности. Естественно, в подобном случае при наличии детерминированного субъекта-существительного его постпозиция выделяла предикат особым образом в качестве центрального элемента в потоке информации, постпозиция же предиката несколько уменьшала эффективность его выделения, поскольку последнему уже отводилась не сильная позиция в потоке речи, и стать главенствующим элементом он мог лишь при наличии особого ударения. Поэтому можно, по-видимому, выдвинуть гипотезу, что препозитивный субъект, детерминированный при помощи артикля, демонстратива, possessiva или квантора, составлял основу высказывания. При этом самым простым и вместе с тем основным средством коммуникативного выделения неизменно служил

относительно свободный порядок слов. Однако порядок слов подвергался постепенной фиксации, которая выражалась в образовании определенных, застывших конструкций, наделенных соответствующей синтаксической функцией. Помимо указанных причин свободу порядка слов стали стеснять и другие грамматические факторы. Отсюда, как нам кажется, берет свои истоки так называемый прогрессивный порядок слов, столь типичный для современного французского языка.

Однако коммуникативное членение предложения в своем принципе не может во всех случаях совпадать с грамматическим членением. Поэтому препозитивный субъект должен был сохранить за собой какие-то возможности грамматического порядка стать ядром сообщения. Ведь „*l'homme vient*“ и „*un homme vient*“ передают различное коммуникативное членение и обычно переводятся „человек приходит“ и „приходит человек“. Если во флективном языке постпозитивный субъект в данном случае является сильным с коммуникативной точки зрения, то в таком же следовании постпозитивный субъект в старофранцузском языке, несмотря на свою грамматическую установку, также должен считаться сильным. Однако, не сохранив за собой этой возможности, субъект, за которым было закреплено постоянное место в препозиции, должен был выработать грамматические средства выражения сильной позиции. Отсюда дальнейшее развитие обобщенного детерминатива, который наряду с формой *le* развивает форму *un*, отсюда же коренное расщепление их функций с точки зрения акта коммуникации, а также более позднее появление и распространение артикля *un*, чем артикля *le*. Именно таким образом снимается часть коммуникативной нагрузки с порядка слов и переносится на грамматическую установку имени существительного.

На первоначальном этапе старофранцузский язык в основном для выражения главного и второстепенного в предложении пользовался порядком слов. Затем, в силу целого ряда причин, преимущественно грамматических, часть коммуникативной нагрузки была перенесена на установку имени существительного, которая грамматически выражалась противопоставлением существительного с детерминативами и без них. Однако, как показывают наблюдения над старофранцузскими памятниками раннего периода, с самого начала можно установить, что детерминированная установка субъекта в препозиции выражала преимущественно тему, между тем как в постпозиции она могла служить для выражения как темы, так и ремы. С течением времени коммуникативная нагрузка субъекта с детерминативами (кроме артикля *un*) стала постепенно осознаваться независимо от синтаксического положения как основа высказывания.

Постпозиция субъекта, будучи сильной с коммуникативной точки зрения, ставила его в грамматически слабое положение. При этом именно здесь субъект начинает терять и свою морфологическую форму, которая вытесняется формой косвенного падежа. Усиление своих грамматических контуров такой субъект искал в употреблении детерминативов, в особенности артикля *li*, который полностью соответствовал коммуникативной структуре высказывания.

Сокращения

- Alexis — M. Rösler. Sankt Alexius. Altfranzösische Legendendichtung des 11. Jahrhunderts. 2. verbesserte Auflage. Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale), 1941 (Sammlung romanischer Übungstexte, Nr. 15).
- Eulalie — E. Koschwitz. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. II. Leipzig, 4. Auflage, 1920.
- Jonas — E. Koschwitz. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. II. Leipzig, 4. Auflage, 1920.
- Mystère — Mystère de l'Époux. E. Koschwitz. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. II. Leipzig, 4. Auflage, 1920.
- Passion — Passion du Christ. E. Koschwitz. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. II. Leipzig, 4. Auflage, 1920.
- Pèlerinage — Karls des Großen Reise nach Jerusalem und Constantinopel, ein altfranzösisches Heldengedicht, hrsg. von E. Koschwitz und G. Thureau. 6. Auflage. Leipzig, 1913 (Altfr. Bibliothek, Bd. 2).

LA CORRÉLATION DE LA DIVISION GRAMMATICALE ET COMMUNICATIVE ÉTUDIÉE DANS LES PLUS ANCIENS MONUMENTS DE LA LANGUE FRANÇAISE

D. ĆEBELIS

Résumé

La division communicative de la phrase en ancien français s'exprimait tout d'abord par l'ordre des mots, beaucoup moins stable qu'en français moderne. Le sujet — substantif, dans la postposition, était fort du point de vue communicatif et faible du point de vue grammatical. Étant fort communicativement, il se comportait avec indifférence envers la forme grammaticale, étant faible grammaticalement, il suggérait l'emploi plus fréquent des déterminatifs. Avec la fixation graduelle de l'ordre des mots la charge communicative finit par tomber de préférence sur les déterminatifs, savoir sur les articles.